

УДК 332.122

Предпосылки и факторы становления Байкало-Монгольского трансграничного региона

М.Л. БАГАЙНИКОВ

Становление трансграничных регионов – процесс объективный, обусловлен глобальным переформатированием системы экономических отношений и кризисом парадигмы мирового развития, основанного на глобализме. Целью статьи является определение факторов и предпосылок формирования трансграничных регионов России на примере Байкало-Монгольского региона. Вопросы активизации российско-монгольского трансграничного сотрудничества изучены с точки зрения определения некоторых направлений взаимодействия, обладающих экономическим потенциалом. Для достижения поставленной цели предложены подходы к развитию трансграничного взаимодействия в сфере электроэнергетики, а также в агропродовольственной сфере, основанные на соблюдении принципа неконфликтного трансграничного ресурсопользования.

Ключевые слова: трансграничные регионы, региональная экономика, трансграничное взаимодействие, Байкало-Монгольский регион, трансграничное ресурсопользование.

The formation of cross-border regions is an objective process, due to the global reformatting of the system of economic relations and the crisis of the world development paradigm based on globalism. The purpose of the article is to determine the factors and prerequisites for the formation of cross-border regions of Russia on the example of the Baikal-Mongolian region. The issues of activation of Russian-Mongolian cross-border cooperation have been studied from the point of view of identifying some areas of interaction that have economic potential. To achieve this goal, approaches to the development of cross-border cooperation in the field of electric power industry, as well as in the agri-food sector, based on the observance of the principle of non-conflict cross-border resource use, are proposed.

Keywords: cross-border regions, regional economy, cross-border interaction, Baikal-Mongolian region, cross-border resource use.

Введение. Трансграничные регионы – это относительно малоизученный феномен, требующий более глубокого теоретического осмысления и прикладного анализа. Глобализм как доминирующая доктрина постепенно утрачивает свои позиции под натиском общемировых тенденций регионализации. Отчасти это стало результатом агрессивного внедрения западных «правил игры», основанных на рационализме, первостепенной значимости финансовой эффективности и политической либерализации, без учета цивилизационных особенностей отдельных стран и регионов. Отторжение глобализации у значительной части населения мира вызвано в том числе последствием «футурошока» (по А. Тоффлеру) – стремительного, не усвоенного населением потока изменений, формирующих у него ощущение неспособности рационально оценивать окружающую реальность [1], [2]. Это влечет за собой стремление во чтобы то ни стало сохранить собственную идентичность как хорошо известную систему ценностей, в крайних проявлениях выражающееся всплеском национализма и религиозного фундаментализма.

Регионализация как процесс, компенсирующий негативные стороны глобализации, имеет самые разные масштабы, формы и проявления. Одной из таких форм является образование и развитие трансграничных регионов, включающих в себя приграничные территории двух и более стран. К основным предпосылкам их формирования чаще всего относят этнокультурную близость проживающих там народов; благоприятные условия для ведения трансграничной торговли (наличие коммуникаций и инфраструктуры); историческое единство территории, которая впоследствии была рассечена государственными границами; совместное трансграничное ресурсопользование и т. п. [3]. Также трансграничные регионы в современных условиях следует рассматривать как локальные зоны внешнеэкономической активности приграничных субъектов, располагающиеся на периферии национального экономического пространства.

Основной целью статьи выступает изучение предпосылок и некоторых направлений развития экономического сотрудничества приграничных регионов России и Монголии в рамках Байкало-Монгольского трансграничного региона.

Факторы становления Байкало-Монгольского трансграничного региона. Активизация трансграничного сотрудничества в современных условиях может стать эффективным инструментом вывода, прежде всего, периферийного экономического пространства страны на траекторию устойчивого развития [4]. К периферийным регионам страны мы относим, в первую очередь, приграничные регионы Азиатской России, экономические системы большей части из которых ориентированы на активную эксплуатацию имеющейся природно-ресурсной базы. На геоэкономической карте Азиатской России можно выделить два крупных трансграничных региона, обладающие большим потенциалом в сфере развития трансграничного сотрудничества: российско-китайский и российско-казахстанский регионы [5], [6], [7]. Также следует выделить приграничные с Монголией регионы – республику Бурятия и Забайкальский край с одной стороны, и приграничные с Россией регионы Монголии – с другой (районы Сэлэнгэ, Булган, Туве, Хувсгел и др.), совместно образующие Байкало-Монгольский регион. При этом Забайкальский край целесообразно отнести к российско-китайскому трансграничному региону ввиду выраженной ориентации его внешнеэкономических связей на развитие взаимодействия прежде всего с Китаем. Географически российско-монгольский (Байкало-Монгольский) регион лежит в границах Байкальского региона, включая трансграничный бассейн р. Селенга – главного притока оз. Байкал, где формируется (на территории Монголии) более половины всего байкальского водосбора.

Экономический и социокультурный потенциал развития Байкало-Монгольского трансграничного региона обусловлен совокупным влиянием целого ряда факторов, к числу которых следует отнести:

1. *Культурно-исторические факторы.* Бассейн оз. Байкал и р. Селенга с давних времен представлял собой особое социокультурное и этно-религиозное пространство, в котором непрерывно протекали процессы перемещения, смешения и ассимиляции народов, культур и религий. До включения северо-западной части бассейна в состав Российской Империи территория бассейна представляла собой зону распространения монголоязычных народов с устойчивыми культурными и торговыми связями (в том числе внешними). Появление первых монголоязычных племен на территории региона приблизительно датируется VI–X вв., а к началу XI в. их появление зафиксировано в верховьях р. Лена [8], [9]. В могильнике Чиндант I в Забайкальском крае (X–XII вв.) были обнаружены некоторые предметы (не массово), произведенные в Средней Азии и Китае, похожие результаты дали исследования могильников, расположенных и на территории Монголии (например, на р. Хоолтын-Гол). Это позволяет говорить об активном распространении раннемонгольских племен еще задолго до образования империи Чингисхана [10]. Этнокультурное единство региона сохранилось вплоть до наших дней, несмотря на появившиеся здесь административные и государственные границы.

2. *Торгово-экономические факторы.* Между Россией и Монголией, входившей до начала XX в. в состав Цинской империи, традиционно имелись тесные торгово-экономические отношения. Так, проблемы развития торговли двух стран обсуждались на уровне торгово-промышленных кругов Центральной России, для решения которых были даже организованы две торговые экспедиции – Московская, а затем Сибирская. По результатам экспедиций была признана значимость монгольского рынка для России, позволявшего осуществлять торговые операции, обеспечивающие заметно более высокую норму прибыли [11]. По территории Байкало-Монгольского региона пролегал, существовавший более 200 лет, знаменитый «Чайный путь» – маршрут поставки китайского чая из Ханькоу в Кяхту и далее на Запад. Объемы товарооборота были столь внушительны, что по маршруту движения в Китае, Монголии и России интенсивно росли богатые торговые города – Ханькоу, Хух-Хото, Урга (Улан-Батор), Кяхта, Верхнеудинск (Улан-Удэ), Иркутск, а для облегчения взаимопонимания был внедрен, так называемый «кяхтинский язык» – русско-китайский пиджин. Местные жители активно включались в процессы торговли и транспортировки в качестве перевозчиков, носильщиков, поставщиков продовольствия и т. д., а также занимались предоставлением других сопутствующих услуг. Так, по данным за 1820 год, в Россию поставлялось более 100000 пудов чая, что составляло около 88 % от русско-китайской торговли, оттеснив традиционные объекты

китайского импорта – шелк и хлопчатобумажные ткани. На пике торговых отношений (1871–1890 гг.) объем поставляемого чая из Китая составлял в среднем 2000000 даней (1 дань = 50 кг) или 6250000 пудов [12]. Функционирование Чайного пути сопровождалось ростом трудовой мобильности населения, что способствовало расширению и укреплению внутренних и внешних социокультурных связей.

3. *Ресурсопользовательские факторы.* Как уже было отмечено, территория региона расположена преимущественно на территории водосборного бассейна оз. Байкал и главного его притока – р. Селенга. Последняя представляет собой трансграничную водную артерию, а ее гидроресурсы формирует хозяйственный ландшафт значительных приграничных территорий по обе стороны границы. Однако несогласованность в вопросах ведения хозяйственной деятельности региональными и местными властями двух стран в водохозяйственной сфере влечет за собой ухудшение экологической ситуации и, главное, нарушает основополагающие принципы солидарного, неконфликтного использования ресурсов трансграничных водных артерий. Как уже было отмечено выше, единственным стоком оз. Байкал является р. Ангара, на которой последовательно размещены сразу четыре крупных гидроэнергетических объекта: Иркутская, Братская, Усть-Илимская и Богучанская ГЭС, а в планах строительство еще и пятой очереди – Мотыгинской ГЭС. Мощность этих объектов более чем на половину обеспечивается гидроресурсами р. Селенга. Однако попытки правительства Монголии также увеличить поступление водной ренты через инициирование строительства сети ГЭС в бассейне Селенги натолкнулись на очень жесткое противодействие со стороны России, повлекшее заморозку всех национальных гидроэнергетических проектов. Экономика Монголии тем временем остро нуждается в дополнительных объемах электроэнергии в рамках решения проблем энергообеспечения производственной и бытовой сферы. В целом такое положение в трансграничном водопользовании нарушает принцип бассейновой солидарности и требует более сбалансированного подхода, учитывающего экономические интересы всех участников хозяйственного процесса. Представление территории региона как целостного геоэкологического пространства путем институционализации Байкало-Монгольского трансграничного региона позволит, на наш взгляд, гармонизировать механизмы совместного ресурсопользования.

Далее проведем краткую статистическую оценку уровня трансграничной торговли, однако отметим, что к Байкало-монгольскому трансграничному региону мы относим и значительную часть Иркутской области, поскольку уровень развития ее хозяйства во многом обусловлен влиянием «байкальского фактора». Показатели же Забайкальского края мы, напротив, учитывать не будем, поскольку вектор его трансграничного взаимодействия ориентирован прежде всего на Китай.

Товарооборот между приграничной Бурятией и Иркутской областью, с одной стороны, и Монголии, с другой, характеризуются достаточно высокими показателями. Однако, как видно из рисунка, геополитические события последних лет привели к значительному снижению товарооборота (рисунок 1).

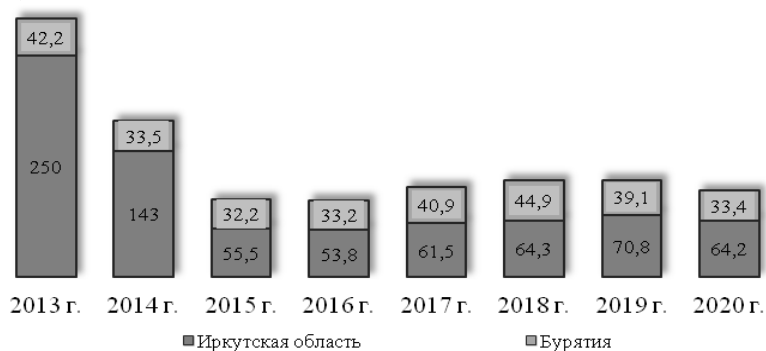

Рисунок 1 – Динамика объемов товарооборота Иркутской области и Бурятии с Монголией¹

¹Здесь и далее рассчитано автором по данным Росстат и портала «Россия: статистика внешней торговли»: <https://ru-stat.su/>.

Внешнеторговый товарооборот складывается из импорта и экспорта. Приграничная Бурятия вкупе с Иркутской областью, с одной стороны, и Монголия, с другой, во внешнеэкономической сфере, имеют ярко выраженный торговый профицит, то есть положительное сальдо торгового баланса (рисунок 2).

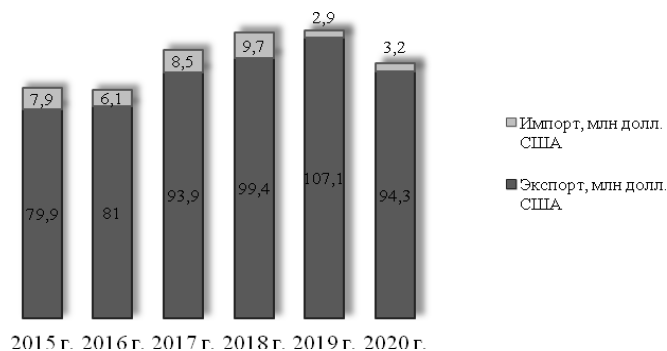

Рисунок 2 – Показатели экспорта и импорта Иркутской области и Бурятии с Монголией

Учитывая несопоставимо малый объем импорта, Монголия заинтересована в увеличении поставок на российский рынок востребованных у нас товаров: мяса, мясопродуктов, кожи и кожаных изделий. Более подробно изменение структуры трансграничного товарооборота представлено на рисунке 3.

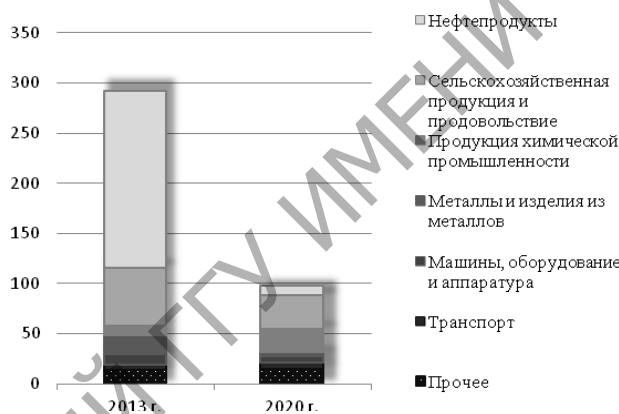

Рисунок 3 – Структура товарооборота Иркутской области и Бурятии с Монголией в 2013 и 2020 гг. (млн долл. США)

Для большего понимания значимости Монголии как внешнеэкономического партнера приграничных территорий Байкальского региона рассмотрим долю товарооборота, приходящегося на эту страну, в совокупном внешнем товарообороте Иркутской области и Бурятии (рисунок 4).

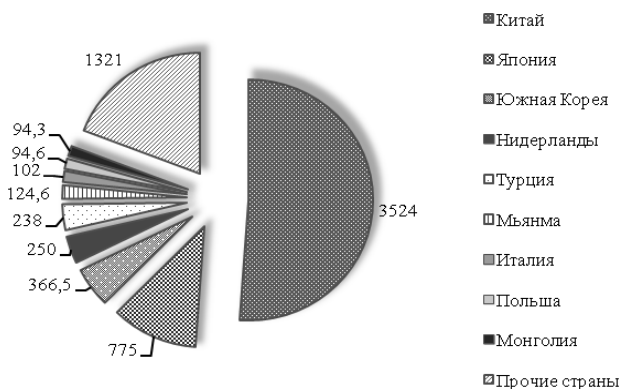

Рисунок 4 – Структура совокупного внешнего товарооборота Иркутской области и Республики Бурятия по странам мира

Сразу оговоримся, что Монголия с численностью населения, приближающейся к отметке 3,5 млн чел., не может иметь емкой, мощной экономики, однако потенциал которой весьма велик, учитывая стремление руководства страны активно развивать свою промышленность и сельское хозяйство, придерживаясь четкой линии геополитического нейтралитета и внеблокового политического статуса.

Учитывая природно-ресурсный потенциал Монголии, основное внимание власти концентрируют на развитии горнодобывающей отрасли, которая, по большей части, ориентирована на взаимодействие с Китаем. Нейтральный статус республики позволяет в равной степени налаживать экономические отношения с другими странами в лице России, Японии, Южной Кореи и даже США. К слову, последние президентские выборы в республике проходили в том числе под лозунгом ослабления зависимости монгольской экономики от Китая и укрепления экономических связей со своим северным соседом – Россией [13]. В настоящее время Монголия периодически испытывает недостаток электроэнергии, что особенно остро проявляется в зимние пики потребления. Развитие ключевых отраслей экономики и горнодобывающей отрасли в частности также невозможно без существенного увеличения объемов наличной электроэнергии, которая может вырабатываться как собственными силами, так и импортироваться извне.

Собственные возможности Монголии в производстве электроэнергии по целому ряду причин серьезно ограничены. Например, как уже было отмечено, развитие гидроэнергетики сопряжено с экологическими рисками для оз. Байкал и его водности и, как следствие, с противодействием российских властей и экологов. Увеличение угольной генерации имеет большие перспективы, поскольку страна обладает крупными запасами угля, однако для этого необходима масштабная модернизация существующих энергетических мощностей². Введение новых генераций требует внедрения передовых технологий в подготовке угля и применения «чистых» угольных технологий (углегазификация, топливные элементы, сжижение угля), использования прогрессивных технологий по утилизации углекислого газа и т. п. [14]. К первоочередным шагам повышения уровня энергообеспеченности республики, в частности, относятся строительство ТЭЦ-5 в г. Улан-Батор проектной мощностью 800 МВт; ТЭС на угольных месторождениях Адуунчулун, Шивээ-Овоо и Таван-Толгой, а также ветропарки в г. Сайн-Шанд и на золоторудном месторождении Оюу-Толгой [15]. Однако на все это потребуется много времени и средств, преимущественно иностранных инвесторов.

Одним из вариантов выхода из сложившегося положения может стать развитие сотрудничества в электроэнергетической сфере с приграничными регионами России, в частности с Иркутской областью, обладающей значительным потенциалом в гидроэнергетике. Суммарная установленная мощность электрогенерирующих производств области по состоянию на 1 января 2021 г. составляет 13041,1 МВт, из которых 9088,4 МВт (69,7 %) приходится на ГЭС. В 2020 г. гидрогенерацией области было выработано 47,68 млрд кВт·ч при совокупном объеме электропотребления в централизованной системе за тот же период – 56 млрд кВт·ч. Общий объем выработки всеми видами генераций в 2020 г. составил 59,7 млрд кВт·ч.

Частичная переброска электроэнергии в Монголию позволит повысить энергообеспеченность республики и, вероятно, закрыть вопрос строительства сети ГЭС в бассейне Селенги. Концептуально это станет продолжением проекта единой советско-монгольской энергосистемы. В период своего становления энергосистема Монголии рассматривалась как часть Восточно-Сибирской энергосистемы СССР, однако распад страны не позволил довести проект до завершения, запрограммировав тем самым серьезные системные проблемы для всей монгольской экономики на многие годы вперед. В настоящее время энергосистемы российского приграничья и Монголии связаны друг с другом посредством ЛЭП Гусиноозерская ГРЭС – Дархан (Монголия), Харанорская ГРЭС – Чойбалсан. Дальнейшее развитие электрических связей потребует строительства дополнительных трансграничных ЛЭП и новых генерирующих мощностей. Для этих целей могут использоваться как мощности Иркутской ГЭС, так и мощности перспективной Мокской ГЭС (Бурятия) с потенциальным объемом производства электроэнергии 5,7 млрд кВт·ч [16]. Это позволит Монголии возвращать часть водной ренты, недополученной из-за невозможности реализовать гидроэнергетический потенциал бассейна Селенги.

²Разведанные запасы угля составляют 150 млрд т [14].

Большое значение для приграничных территорий России и Монголии имеет сфера производства сельхозпродукции и продовольствия. Л.Г. Намжилова рассматривает региональное аграрное природопользование как целостную систему, основу стратегии сбалансированного развития трансграничной территории [17]. Традиционный рацион питания коренных жителей региона состоял преимущественно из мясной и молочной продукции с незначительной долей продуктов растительного происхождения. Вестернизация рациона питания населения Монголии, с одной стороны, и серьезное влияние могущественного Китая в вопросах пищевого поведения, с другой, постепенно трансформируют традиционный рацион в сторону увеличения удельного веса зерновых продуктов. Стремление властей страны снизить зависимость от поставок зерновых из-за рубежа в контексте повышения уровня продовольственной безопасности побуждает увеличивать собственное производство, что сопровождается целым комплексом проблем. Климатические, гидрологические и почвенно-биотические особенности Монголии в контексте развития земледелия требуют интенсивной мелиорации, что существенно увеличит водозабор (именно на сельское хозяйство приходится порядка 70 % мирового потребления воды). Территории, где возможно устойчивое земледелие, расположены по большей части в бассейне Селенги. Как следствие, Байкальский бассейн может столкнуться с проблемой сокращения поступления воды из водосборной системы Монголии. Мерой предотвращения такой ситуации может стать формирование в рамках Байкало-Монгольского трансграничного региона системы взаимодействия в сфере производства сельскохозяйственной продукции. Следует предусмотреть, помимо расширения трансграничной сельскохозяйственной кооперации, возможность использования монгольскими аграриями на возмездной основе земельных угодий, расположенных в приграничье России, для производства продукции для собственных нужд. Как известно, Байкальский регион обладает значительными запасами пригодных для земледелия угодий, длительное время не участвующих в производственных процессах и подвергающихся процессам деградации и зарастания лесом. В зависимости от почвенно-климатических зон среднегодовой уровень осадков (основной ограничивающий фактор, присущий территории Монголии) варьирует от менее 300 мм в Прибайкальской до 450 мм в Присяянской зоне. В водосборном бассейне Селенги, в северной части Монголии, где и планируется активно развивать земледелие, среднегодовой уровень осадков редко превышает 230–250 мм в год.

Угодья должны предоставляться во временное пользование на основе ранее заключенных двусторонних соглашений и не находиться в хозяйственном использовании российскими сельхозпроизводителями. Пользователи таких угодий должны соблюдать агротехнические нормы и не ухудшать качественное состояние почв и их плодородие. Эта мера позволит снизить потребность в расширении посевных площадей в монгольской части водосборной системы Байкала и, следовательно, предотвратить возможный чрезмерный забор водных ресурсов, способных снизить приток воды в оз. Байкал.

Заключение. Предложенные меры позволят в рамках Байкало-Монгольского трансграничного региона активизировать хозяйственные взаимоотношения и сократить негативное антропогенное воздействие на экосистему уникальной природной территории. При этом последнее будет соответствовать основным принципам бассейновой солидарности и выступит фактором снижения уровня потенциальной конфликтогенности при совместном хозяйственном использовании трансграничных водных ресурсов. Такая интеграция хозяйственных систем приграничных территорий возможна только в условиях институционализации трансграничного региона как целостного социокультурного и экономического пространства, развитие которого координируется специально созданными структурами регионального управления.

Литература

1. Наумов, С. П. Проблемы глобализации / С. П. Наумов, В. А. Халилов, О. В. Пацук // Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики : кол. моногр. ; научн. ред.: А. У. Альбеков, Г. Г. Матишов, А. М. Старостин. – Ростов н/Д. : Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2017. – 400 с.
2. Черняк, Е. Г. Идентификация модели экономического сотрудничества приграничного региона / Е. Г. Черняк // Известия Байкальского гос. ун-та. – 2010. – № 6 (74). – С. 64–66.

3. Лепа, Т. П. Взаимные интересы и проблемы в реализации сотрудничества России с Китаем и Монголией / Т. П. Лепа // Известия Байкальского гос. ун-та. – 2019. – Т. 29, № 1. – С. 80–87.
4. Козырская, И. Е. Значимость развития внешнеэкономической деятельности для регионов страны [Электронный ресурс] / И. Е. Козырская // Baykal research journal. – 2010. – № 6. – Режим доступа : <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=13981>. – Дата доступа : 15.09.2022.
5. Кучинская, Т. Н. Трансграничный регион как форма социокультурного пространства : в поисках когнитивной модели исследования [Электронный ресурс] / Т. Н. Кучинская // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=5045>. – Дата доступа : 15.09.2022.
6. Колпакова, Т. В. Трансграничный регион как форма организации социокультурного пространства (на примере Байкальского региона РФ и северо-восточного региона КНР) / Т. В. Колпакова // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 11. – С. 1192–1196.
7. Российско-Казахстанский трансграничный регион : история, геоэкология и устойчивое развитие. – Екатеринбург : УрО РАН, 2011. – 2016 с.
8. Хамзина, Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья / Е. А. Хамзина. – Улан-Удэ, 1970. – 140 с.
9. Окладников, А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье (Филология и история монгольских народов) / А. П. Окладников. – М., 1958. – 206 с.
10. Асеев, И. В. Некоторые аспекты исторических и археологических материалов как свидетельства расселения монголоязычных племен в Байкальском регионе и Монголии в средние века / И. В. Асеев // Вестник НГУ. Серия : История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5 : Археология и этнография. – С. 189–198.
11. Кузьмин, Ю. В. История русско-монгольской торговли рубежа XIX–XX веков : новое прочтение / Ю. В. Кузьмин // Историко-экономические исследования. – 2014. – Т. 15, № 3. – С. 625–634.
12. Лю, Цзайци. Чайная торговля между Китаем и Россией / Лю Цзайци // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 63–75.
13. Суходолов, А. П. Экономика Монголии в системе большой Евразии / А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин // Евразийское сотрудничество : гуманитарные аспекты. – 2017. – № 1. – С. 136–144.
14. Пунсалмаагийн, Очирбат. Угольная промышленность Монголии : состояние и перспективы развития / Очирбат Пунсалмаагийн // Записки горного института. – 2017. – Т. 226. – С. 420–427.
15. Воропай, Н. И. Энергетическое сотрудничество Монголии и России : современное состояние и стратегические направления / Н. И. Воропай, Б. Г. Санеев, С. Батхуяг, Х. Энхжаргал // Пространственная экономика. – 2013. – № 3. – С. 108–122.
16. Энхжаргал, Х. Формирование электроэнергетической системы Монголии на базе Шивээ-Овооской ТЭС (КЭС) / Х. Энхжаргал, С. Батмунх, В. А. Стенников // Вестник ИрГТУ. – 2012. – № 5 (64). – С. 173–181.
17. Намжилова, Л. Г. Региональная система природопользования трансграничной территории «Россия (Бурятия) – Монголия» : Подходы к исследованию [Электронный ресурс] / Л. Г. Намжилова // Baykal research journal. – 2011. – №1. – Режим доступа : <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=7557>. – Дата доступа : 01.10.2022.